

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И. С. Тургенев

и время

Сборник статей

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2019

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО У И. С. ТУРГЕНЕВА (РОМАН «НАКАНУНЕ»)

В. С. Киселев

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

Процесс нациестроительства в России XIX в. порождался внутренними потребностями имперской культуры, вступившей на путь модернизации и создания национального государства. Это требовало выработки новых представлений, призванных дополнить универсальные формулы лояльности царствующей династии как воплощения государственного единства. Особенно активизировался этот процесс после поражения в Крымской войне, в преддверии и в ходе эпохи Великих реформ¹. Поиски иных, нежели только династические и чиновно-бюрократические, объединяющих национальных институтов, переоценка русской истории, в особенности допетровской, и традиционной культуры, прежде всего крестьянской, формирование национального пантеона исторических и культурных деятелей – очевидные приоритеты эпохи западников и славянофилов, почвенников и народников, по-разному видевших направления модернизации, но убежденных в необходимости на новых основаниях консолидировать общество, в том числе через ослабление или отмену сословной иерархии. Неизменным и активным участником этого процесса выступал И. С. Тургенев, поддерживая отмену крепостного права, подготавливая адрес императору с программой насущных реформ, организуя общества по народному просвещению, включаясь в многочисленные идейные полемики, ведя культуртрегерскую деятельность.

Взгляды Тургенева на развитие империи, выразившиеся как в его творчестве, так и в его публицистических или эпистолярных высказываниях, их эволюция от 1840-х к 1880-м гг., их сближения и отталки-

¹ См.: Уортман Р. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М., 2004. Т. 2; Maierova O. From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870. Madison, 2010.

вания с позициями славянофильства, почвенничества, радикальных демократов, народников, либералов и др. неоднократно анализировались¹. Достаточно часто в поле зрения оказывалась и национальная проблематика, интерпретируемая преимущественно в аспекте выражения писателем русского народного духа и его специфики, образцом чего представляли «Записки охотника», где «Тургенев впервые ощутил Россию как единство, как живое художественное целое. <...> Прямые дороги от “Записок охотника” идут не только к романам Тургенева, но и к эпосу “Войны и мира” Толстого»². Подобное встраивание писателя во все углубляющуюся эпическую перспективу русской литературы – при безусловном богатстве конкретных наблюдений над тургеневской проблематикой и поэтикой – редуцировало существенное различие в видении феномена нации, противоположное тому же Толстому или Достоевскому.

Новый поворот этой темы обозначился в последние десятилетия, когда предметом особого внимания стала национальная характероло-

¹ См., в частности: *Векслер И. И.* И. С. Тургенев и политическая борьба шестидесятых годов. Л.; М., 1935; *Курляндская Г. Б.* Романы И. С. Тургенева 50-х-начала 60-х годов. Казань, 1956; *Петров С. М.* И. С. Тургенев. М., 1961; *Габель М. О.* И. С. Тургенев в борьбе со славянофильством в 40-х годах и поэма «Помещик» // Ученые записки. Харьков, 1962. Вып. 6. С. 119–144; *Бялый Г. А.* Тургенев и русский реализм. М.; Л., 1962; *Кулешов В. И.* Славянофилы и русская литература. М., 1976; *Муратов А. Б.* Повести и рассказы И. С. Тургенева 1867–1871 г. Л., 1980; *Он же.* Тургенев-новеллист (1870–80-е гг.). Л., 1985; *Маркович В. М.* И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. Л., 1982; *Мостовская Н. Н.* И. С. Тургенев и русская журналистика 70-х годов XIX века. Л., 1983; *Шаталов С. Е.* Тургенев и наша современность // И. С. Тургенев в современном мире. М., 1987. С. 12–30; *Батюто А. И.* Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени. Л., 1990; *Лебедев Ю. В.* Тургенев. М., 1990; *Тиме Г. А.* Немецкая литературно-философская мысль XVIII–XIX веков в контексте творчества И. С. Тургенева (генетические и типологические аспекты). Мюнхен, 1997; *Кантор В. К.* Русский европеец как явление культуры. М., 2001; *Курляндская Г. Б.* И. С. Тургенев. Мировоззрение. Метод. Традиции. Тула, 2001; *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003; *Кнабе Г.* Тургенев, античное наследие и истина либерализма // Вопросы литературы. 2005. № 1. С. 84–110; *Головко В. М.* Философский дискурс И. С. Тургенева как значимое целое. М., 2015.

Из последних опытов в этом направлении можно привести сборник: Тургенев и либеральная идея в России: матер. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию Ивана Сергеевича Тургенева (19–21 апреля 2018 г., г. Пермь, Россия). Пермь, 2018 (статьи Г. М. Ребель, В. М. Ракова, В. М. Головки, Т. Е. Коробкиной и др.).

² *Лебедев Ю. В.* Тургенев. М., 1990. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/33132/8/Lebedev_-_Turgenev.html

гия, воплощенная прежде всего в художественном творчестве Тургенева и представленная разнообразием этнокультурных типов – русских, немецких, еврейских, французских и пр.¹ Обращение к конструктивистской методологии позволило поставить ключевой вопрос о том, какое содержание писатель вкладывал в саму категорию национального. Наиболее последовательный опыт в этом плане был предпринят Е. Фоминой, выявившей национальную типологию персонажей Тургенева, отталкиваясь от центрального положения:

Разделяя общие для своего времени представления об исторической и – одновременно – «природной» сущности национальности, Тургенев уделял особое внимание «кровной», биологической природе национального единства. Начиная со второй половины 1850-х гг. это проявилось в повышенном интересе писателя к теме наследственности, выступающей в его трактовках как один из главных компонентов национального характера².

В ее диссертации убедительно показано, что мотивация национального как «крови», «почвы», «натуры», сложно сопрягаясь с накладывающимися на него историческим, социальным, коллективно- и индивидуально психологическим началами, сохранилось у Тургенева до конца жизни, подтверждением чему служит набросок незавершенной «Новой повести» (вторая половина 1870-х гг.), где тщательно высчитаны доли национальной «крови» в каждом персонаже.

Между тем писательское ощущение «генетически» заложенной в человеке этнической природы не отменяет того, что в каждом отдельном случае ее проявление не просто индивидуально, но и вообще трудноуловимо. Те или иные клише национального характера, вложенные в разной степени в героев Тургенева, решительно меркнут перед разнообразием и, часто, противоречивостью конкретных реализаций их этнической природы. Так, Е. Фомина смогла выделить лишь

¹ См.: *Зельдхейн-Деак Ж.* Западная Европа и русские – глазами Тургенева // *Studia Slavica. Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1995. Т. 40. С. 69–82; *Brang P.* Images und Mirages in Turgenyevs Darstellung der Nationalcharaktere. Klischeezetrümmerung oder Trendverstärkung? // *Ivan S. Turgenyev. Leben, Werk und Wirkung*. München, 1995. S. 1–26; *Rosenshield G.* The Ridiculous Jew. The Exploitation and Transformation of a Stereotype in Gogol, Turgenyev, and Dostoevsky. Stanford, 2008; *Фомина Е.* Национальная характеристология в прозе И. С. Тургенева. Тарту, 2014; *Вдовин А. В.* «Неведомый мир»: русская и европейская эстетика и проблема репрезентации крестьян в литературе середины XIX века // *Новое литературное обозрение*. 2016. № 5. С. 287–315.

² *Фомина Е.* Указ. соч. С. 23.

одну конституирующую черту русских персонажей, а именно – их максимальную амбивалентность.

Различные русские типы объединяет общая черта – иррациональность, обусловленность характера спонтанными порывами, которые они не в силах побороть. На авторском уровне разрушительное воздействие чувств объяснялось тем, что их порождает человеческое «эго», препятствующее выстраиванию гармоничных отношений с миром. Преодолеть дисгармонию, по Тургеневу, было возможно лишь путем обуздания личности и отказа от собственного «я». Именно поэтому другой важной чертой национального характера, в оценке писателя, становилось смирение. Это качество – не «врожденное», в отличие от свойственной русскому характеру «гордости», а «приобретенное» либо в результате рокового стечения обстоятельств <...>¹, либо благодаря высокому уровню духовного развития героя <...>¹.

Первое, что здесь требует уточнений, – это проблематичность отделения «русского» от универсально-человеческого. Нетрудно найти среди инонациональных персонажей Тургенева тех, кто наделен чертами спонтанности: например, немец в романе «Накануне», агрессивно ведущий себя по отношению к гуляющей компании и не способный контролировать своих примитивных желаний.

Господа любители казались сильно навеселе. Они остановились при виде дам; но один из них, огромного роста, с бычачьей шеей и бычачьими воспаленными глазами, отделился от своих товарищей и, неловко раскланиваясь и покачиваясь на ходу, приблизился к окаменевшей от испуга Анне Васильевне. <...>

– А я вот что говорю, – продолжал незнакомец, отстраняя его своею мощною рукой, как ветку с дороги, – я говорю: отчего вы не пел *bis*, когда мы кричали *bis*? А теперь я сейчас, сей минутой уйду, только вот нушна, штоп эта фрейлейн, не эта мадам, нет, эта не нушна, а вот эта или эта (он указал на Елену и Зою) дала мне *einen Kuss*, как мы это говорим по-немецки, поцалуйшик, да; что ж? это ничего (6, 219–220).

Более того, у Тургенева подобные черты неконтролируемой иррациональности часто входят в состав архетипических образов, универсальных воплощений человеческой натуры, в частности, Фауста, Мефистофеля, Гамлета:

¹ Фомина Е. Указ. соч. С. 36.

Мефистофель не представляет ничего отрадного... но сам Фауст, это больное дитя не слишком здоровых средних веков, – разве он в силах стоять на собственных ногах, разве в нем мы не находим всех признаков разрушения? (1, 207)

Скептицизм Гамлета, не веря в современное, так сказать, осуществление истины, непримиримо враждует с ложью и тем самым становится одним из главных поборников той истины, в которую не может вполне поверить. Но в отрицании, как в огне, есть истребляющая сила – и как удержать эту силу в границах, как указать ей, где ей именно остановиться, когда то, что она должна истребить, и то, что ей следует пощадить, часто слито и связано неразрывно? (5, 340).

В определении Е. Фоминой обращает на себя внимание еще и соединение двух категорий – собственно «характера», как определения психологического и поведенческих сценариев, которые П. Бурдые обозначил как габитусы¹. Если бурные дисгармоничные чувства, присущие «русским», можно интерпретировать как феномен надвременный и врожденный, то деструктивное поведение поощряется или подавляется социальными нормами определенной эпохи и тем самым становится категорией исторической. В этом плане для Тургенева чрезвычайно показательно пристальное внимание к индивидуальной, социальной и исторической дифференцированности «русскости», представившей в разнообразии отдельных типов. Самым наглядным разграничением здесь, безусловно, выступает различие между простонародной и провинциальной («степной») стихией, где амбивалентная и спонтанная психология предстает более отчетливой, не подавляемой сложными социокультурными нормами, и жизнью дворянско-интеллигентской среды, где национальное, в глубине своей дисгармоничное, ослабляется влиянием институтов европейской цивилизации, что, однако, ведет к потере чувства «кровного» единства с «почвой», как в характеристике, которую дает Лежнев Рудину в одноименном романе:

Гениальность в нем, пожалуй, есть, <...> а натура... В том-то вся его беда, что натуры-то, собственно, в нем нет... <...> Несчастье Рудина состоит в том, что он России не знает, и это точно большое несчастье. <...> вне народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет. Без физиономии нет даже идеального лица; только пошлое лицо возможно без физиономии. Но опять-таки скажу, это не вина Рудина: это

¹ Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 40–58.

его судьба, судьба горькая и тяжелая, за которую мы-то уж винить его не станем (5, 303–305).

Тем самым «русскость» тургеньевских героев является открытым смысловым полем, границы которого можно хоть в какой-то степени очертить только при сравнении с определенным контекстом. Так парадоксально, биологическая, натурализирующая категория «крови» под пером писателя превращалась в чисто культурный конструкт, а эссенциализм в видении нации, свойственный большинству современников Тургенева – славянофилам, западникам, почвенникам, народникам, радикалам, нечувствительно замещался акцидентализмом, фиксированием частных и социокультурно обусловленных реализаций национального.

Одним из тургеньевских произведений, ярко воплотивших подобную поэтику национального, стал роман «Накануне», продолжавший размышления «Дворянского гнезда» о путях развития России и предлагавший идеал консолидации всех общественных сил и сословий во имя общего дела, лапидарно выраженный в хрестоматийно известных словах Инсарова: «Последний мужик, последний нищий в Болгарии и я – мы желаем одного и того же. У всех у нас одна цель. Поймите, какую это дает уверенность и крепость» (6, 214). Между тем заострение мировоззренческих и/или идеологических позиций в образах героев, ощутимый «дидактический» посыл во внешней логике сюжета и оценках персонажей затеняли при анализе ряд моментов, существенно важных, как нам кажется, для понимания авторской позиции.

Мы остановимся только на нескольких аспектах, вносящих дополнительный смысловой объем в тургеньевскую концепцию национального, как она реализовалась в романе «Накануне». Ее общий вектор так определила Л. И. Ровнякова:

Тургенев, не раз высказывавшийся как противник всяких социально-политических переворотов, выступал убежденным сторонником либеральных реформ, а необходимым условием их проведения считал объединение всех передовых сил русского образованного общества, за которыми должны, по его мнению, идти народные массы. В этом смысле его новый герой, Инсаров, носитель идеи единения всех народных сил и тесной связи интеллигенции с народом, воплощал в себе его идеал общественного деятеля (6, 441).

Для Инсарова подобная консолидация была оправдана борьбой болгар за национальное освобождение:

Если бы вы знали, какой наш край благодатный! А между тем его топчут, его терзают, – подхватил он с невольным движением руки, и лицо его потемнело, – у нас все отняли, все: наши церкви, наши права, наши земли; как стадо гоняют нас поганые турки, нас режут... (6, 213–214).

На ее фоне деятельность Берсенева и Шубина, воплощавших, казалось бы типично тургеньевские прогрессистские идеалы, представляла тривиальной и мелкой. Задача найти аналог инсаровской цели подтолкнула Н. А. Добролюбова к поиску «внутренних турок», с которыми должен вступить в борьбу подлинный русский «новый человек»¹.

Прагматизм, деятельность, полная увлеченность своей миссией делают Инсарова неотразимо притягательным для представителей молодого поколения в романе – Шубина, Берсенева, Елены Стаховой. Между тем последние предстают пусть и не исключительными, но необычными для изображаемой в романе российской жизни духовно-социальными типами – ученый, скульптор, эмансипированная девушка. Изображая московскую дворянскую среду, костную и пошлую в своих интересах и привычках, Тургенев акцентирует выбивание молодых людей из среды, их социальный вакуум, отсутствие почвы, что с завистью констатирует Шубин применительно к Инсарову:

Он с своею землею связан – не то, что наши пустые сосуды, которые ластятся к народу: влейся, мол, в нас, живая вода! Зато и задача его легче, удобопонятнее: стоит только турок вытурить, велика штука! (6, 207).

Та самая почва, которая должна породить в России подобных героическому болгарину, воплощена в романе едва ли не единственно в комическом образе Увара Ивановича, иронически характеризуемом Шубиным как «черноземная сила» и отвечающем на его sacramентальный вопрос: «Помните, я спрашивал у вас тогда, будут ли у нас люди? и вы мне отвечали: „Будут“» (6, 300).

Почему же простонародная и провинциальная среда, «коренная Россия», широко изображаемая Тургеневым в предшествующем «Дворянском гнезде», не говоря уже о «Записках охотника», полностью от-

¹ См.: Бялый Г. А. Добролюбов о Тургеневе // Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1952. № 158. Вып. 17. С. 164–192; Ребелъ Г. М. Испытание русского романа: «Накануне» И. С. Тургенева в свете добролюбовской интерпретации // Вопросы литературы. 2006. № 2. С. 202–222.

сутствует в романе «Накануне», а нацистроительная консолидирующая идея воплощается исключительно «от противного», через героя, который «не наш» («Нет, он не мог бы быть русским» (6, 226), – недаром констатирует Елена в своем дневнике)? Причем, как убедительно показал Э. Димитров, Инсаров в равной мере не является и реалистическим образом болгарина, в нем отсутствуют или искажены множество этнокультурных примет, начиная от невозможной для болгарина фамилии и заканчивая нетипичным кругом интеллектуальных интересов и мировоззрением: «Тургенев видит болгарина скорее как символ и схватывает отдельное через всеобщее, универсальное»¹. Тем самым «почвенную» укорененность Инсарова нельзя воспринимать в прямолинейно реалистической перспективе – это не более чем тургеньевский идеал, культурный конструкт «болгарскости», со- и противопоставленный в романе конструкту «русскости».

Для понимания векторов подобного художественного конструирования, безусловно, нужно принять во внимание авторский комментарий в письме к И. С. Аксакову от 13 (25) ноября 1859 г.: «В основание моей повести положена мысль о необходимости *сознательно*-героических натур (стало быть, тут речь не о народе) – для того, чтобы дело подвинулось вперед» (П, 4, 110). Это дает ключ к логике сюжета, одновременно сближающей и разделяющей молодых персонажей романа. Все они поставлены в ситуацию необходимости личного выбора, их путь – выбивание из когда-то сложившихся и уже окостеневших форм национальной жизни, символизированной неподвижным Уваром Ивановичем. Различие заключается лишь в степени радикальности принятых решений, и здесь инаковость Инсарова по отношению к русскому окружению и его фанатическая убежденность в собственном выборе выступают не только антитезой, но и образцом – Елена, покинув Россию, повторит этот путь, Берсенов и Шубин обретут индивидуальную судьбу на родине. Взятые же в совокупности, они рисуют переход национального целого из стихийного, «бессознательного» существования к более сложной системе отношений, построенной на взаимодействии самостоятельных, эмансипированных личностей.

¹ Димитров Э. Инсаров: болгарин ли он? // Вопросы литературы. 2016. № 5. С. 270. См. также о причинах выбора героем именно болгарина: *Одесский М.* Роман Тургенева «Накануне» и славянская взаимность: «Болгарский» след Крымской войны // Кацис Л. Ф., Одесский М. П. «Славянская взаимность»: модель и топика. Очерки. М., 2011. С. 61–70.

И здесь ключевым вопросом становится для Тургенева возможность согласования индивидуальных волей, возможность достижения баланса между личностью и обществом, предполагающая в том числе определение границ личной свободы и права на счастье. Как справедливо констатировал Г. А. Тиме, «в русском общественном сознании целью зачастую становилось именно достижение общественно-нравственного идеала; и личность в таком случае превращалась все-таки в средство. На первое место выступало служение идее, личность же, особенно в ее индивидуалистическом понимании, вступала в противоречие с общей направленностью жизненного процесса. Тургенев не оставлял попыток если не отождествить, то хотя бы примирить эти два начала, условно названные гамлетовским (фаустовским) и донкихотским, уж если не во всеприродном, философском, то хотя бы в реальном, общественном смысле»¹.

Ответ на этот вопрос о видении Тургеневым взаимодействия между стихийно-ролевым и сознательно-индивидуалистическим началами национальной жизни, как представляется, следует искать, во-первых, в последующих произведениях – прежде всего в «Отцах и детях», а во-вторых, в онтологии и антропологии писателя². Неоднократно отмечалось, что Базаров, увенчавший тургеневский поиск сильной деятельной личности, в чертах своего характера и поведении очень близок Инсарову. Во многом близки и принципы повествовательного представления персонажей: тот и другой изображаются извне, мир их сознания и переживаний остается закрытым для читателей. В Инсарове, безусловно, больше таинственности – неизвестны многие детали биографии, смысл его деятельности в кругу болгарской общины, причины отлучек и т.д. На эту недосказанность как знак художественного несовершенства образа сразу указала писателю критика: «Он <Тургенев> недостаточно приблизил к нам этого героя даже просто как человека <...> его внутренний мир недоступен нам <...>. Даже любовь его к Елене остается для нас не вполне раскрытою»³. Гораздо более много-

¹ Тиме Г. А. Заκлятье гетееанства (Диалектика субъективного и объективного в творческом сознании И. С. Тургенева) // Русская литература. 1992. № 1. С. 41.

² См. о них: Маркович В. М. Человек в романах И. С. Тургенева. Л., 1975; Шаталов С. Е. Художественный мир И. С. Тургенева. М., 1979; Головки В. М. Художественно-философские искания позднего Тургенева: Изображение человека. Свердловск, 1989; Курляндская Г. Б. И. С. Тургенев. Мировоззрение. Метод. Традиции. Тула, 2001.

³ Добролюбов Н. А. Когда же придет настоящий день? // Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9 т. М., 1963. Т. 6. С. 223.

мерно обрисованный Базаров тем не менее также оказался фактически вне интроспекции – о его духовном мире приходится судить по внешним проявлениям: словам, поступкам, жестам. Подобное изображение С. Е. Шаталов, в частности, расценил как следствие попятного движения в развитии тургеневского психологизма¹.

С этой внешней стороны, если исключить мировоззренческие споры и мотивации героев, лапидарные в «Накануне» и развернутые в «Отцах и детях», Базаров и Инсаров – прежде всего люди действия, их обширная эрудиция и ученые занятия, медицинские или историко-филологические, лишь отправная точка и малая часть применения душевных сил. Оба они – харизматичные натуры, привлекающие к себе друзей, сторонников и противников. Они физически сильны и отличаются до определенного момента недюжинной выносливостью и здоровьем. Оба невысоко ценят или мало интересуются искусством. Оба сдержанны в проявлении своих чувств, хотя являются страстными людьми, предельно самостоятельны и не склонны принять помощь и даже сочувствие окружающих. Они высоко ценят свою свободу. Ряд этих схожих примет личности можно продолжить.

Важной составляющей образа Базарова, также как и в предшествующем романе, стала погруженность в национальную среду, почву, теперь уже русскую. Она изначально присутствовала в тургеневском замысле, о чем писатель сообщал в письме к К. К. Случевскому от 26 (14) апреля 1862 г.:

Мне мечталось фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная – и все-таки обреченная на погибель, – потому что она все-таки стоит еще в преддверии будущего, – мне мечтался какой-то странный pendant с Пугачевым и т.п. (П, 4, 381).

Харизматичный нигилист, превыше всего ценящий свободу и воспитанный на европейских идеях, воплотил в романе одну из черт национального характера, что позволило реминисцентно соотнести его образ с пушкинским Пугачевым². Национальное подчеркнуто в База-

¹ Шаталов С. Е. Проблемы поэтики И. С. Тургенева. М., 1969. С. 208–209.

² Этот план наглядно проанализирован в работах: Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. М.; Л., 1962. С. 161–162; Петров С. М. И. С. Тургенев. М., 1961. С. 25–26; Батюто А. И. Тургенев-романист. Л., 1972. С. 378–385; Альми И. Л. Базаров – «pendant с Пугачевым». Пушкинская традиция в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Альми И. Л. О поэзии и прозе. СПб., 2002. С. 292–304.

рове в манере обращения с простонародьем, в «особенном умении возбуждать к себе доверие в людях низших», в самой манере речи, которую особо оценил Н. Н. Страхов, утверждая, что герой «более русский, чем все остальные лица романа. Его речь отличается простотой, меткостью, насмешливостью и совершенно русским складом»¹.

Между тем и Инсаров, и Базаров, столь тесно связанные с народной почвой, обретают в романе схожую судьбу: они копят силы, учатся, готовятся к бурной и широкой деятельности, проходят испытание любовью, разделенной или сознательно отвергнутой, приближаются к порогу полной самореализации, к предназначению стать национальными героями («Я нужен Болгарии», «Я нужен России», – утверждают оба) – и гибнут в молодом возрасте от случайной болезни, простудившись и заболев туберкулезом или заразившись при вскрытии тифозного трупа. И страницы, посвященные смерти героев, – самые пронзительные и лирические в обоих романах. Важно и то, что фоном этих эпизодов неизменно становятся природные образы: море и картины Адриатики, степь и среднерусские пейзажи.

В это мгновение она увидела высоко над водой белую чайку; ее, вероятно, испугнул рыбак, и она летала молча, неровным полетом, как бы высматривая место, где бы опуститься. «Вот если она полетит сюда, – подумала Елена, – это будет хороший знак...» Чайка закружилась на месте, сложила крылья – и, как подстреленная, с жалобным криком пала куда-то далеко за темный корабль. Елена вздрогнула, а потом ей стало совестно, что она вздрогнула, и она, не раздеваясь, прилегла на постель возле Инсарова, который дышал тяжело и часто («Накануне»; 6, 291).

Есть небольшое сельское кладбище в одном из отдаленных уголков России. Как почти все наши кладбища, оно являет вид печальный: окружающие его канавы давно заросли; серые деревянные кресты поникли и гниют под своими когда-то крашеными крышами; каменные плиты все сдвинуты, словно кто их подталкивает снизу; два-три оципаных деревца едва дают скудную тень; овцы безвозбранно бродят по могилам... Но между ними есть одна, до которой не касается человек, которую не топчет животное: одни птицы садятся на нее и поют на заре. Железная ограда ее окружает; две молодые елки посажены по обоим ее концам: Евгений Базаров похоронен в этой могиле («Отцы и дети»; 7, 187–188).

¹ Страхов Н. Н. Литературная критика. М., 1984. С. 198.

Каждая поодиночке, эта гибель героя, воплотившего в себе гигантские силы по изменению национальной судьбы, может выглядеть трагической случайностью. Но поставленные рядом, создавая перекличку, они наводят мысль о некой онтологической и антропологической закономерности. Тургенев писал С. Т. Аксакову в феврале 1853 г.:

Бесспорно, что вся она (природа. – В. К.) составляет одно великое, стройное целое – каждая точка в ней соединена со всеми другими – но стремление ее в то же время идет к тому, чтобы каждая именно точка, каждая отдельная единица в ней существовала исключительно для себя... <...>. Как из этого разъединения и раздробления, в котором, кажется, все живет только для себя, – как выходит именно та общая, бесконечная гармония, в которой, напротив, все, что существует, – существует для другого, в другом только достигает своего примирения или разрешения – и все жизни сливаются в одну мировую жизнь, – это одна из тех «открытых» тайн, которые мы все и видим и не видим (П, 2, 124–125).

Для развитой индивидуальности отрицание «себя» в пользу «общей, бесконечной гармонии», чем поддерживается «мировая жизнь», означает трагедию¹, и чем сильнее личность, тем решительнее будет это спонтанное природное «отрицание». В смерти Инсарова и Базарова нельзя обвинить ни общество, ни эпоху, напротив, с их вызовами герои отлично справляются, порождая у читателя ощущение мелкости и слабости других персонажей, будь то их оппоненты или сторонники. Препградой на их пути становится то, что составляет их силу, – стремление сделать все самому, уверенность в себе, переходящая в самоуверенность и порождающая трагически-смертельную ошибку, поначалу кажущуюся такой тривиальной: поездка за паспортом в ненастную погоду, вскрытие трупа без мер предосторожности. Тем самым пределы деятельности героев определяет сама физическая природа человека, хрупкая, подверженная случайности, особенно ощущаемая на фоне онтологического постоянства, того моря, которое продолжает бесконечное волнение после смерти Инсарова, того «великого спокойствия “равнодушной” природы», окружающего могилу Базарова.

На их фоне человек у Тургенева отделен, он может чувствовать природу, совпадать с ней эмоционально (именно с таких картин начи-

¹ Курындская Г. Б. Проблема трагизма в романе И. С. Тургенева «Накануне» // Спасский вестник. 2009. № 16. С. 11–18.

нается «Накануне»¹), считать себя ее частью, но он наделен особым, персональным существованием. Причем это касается не только протагонистов, каждый персонаж в том же «Накануне» имеет при всей, иногда, тривиальности собственную судьбу, отдельный жизненный путь – Берсенева, Шубин, Елена Стахова, Николай Артемьевич, Анна Васильевна, Зоя Никитишна, Курнатовский, даже Увар Иванович. О его продолжении автор обязательно рассказывает читателю – и это не нужно расценивать как исключительно иронический прием: герой умер, а пошляки продолжают жить. Наряду с критическим ракурсом здесь присутствует и утверждение постоянства. Человек по отдельности хрупок, но человеческое сообщество, подобно природному целому, устойчиво. Более того, в «Накануне» поражает трагический разрыв: Инсаров, столь много предполагавший сделать для освобождения Болгарии, не осуществил своих планов, судьба Елены туманна – то ли она погибла вместе с кораблем, перевозившим гроб мужа, то ли стала сестрой милосердия при войске: эти сведения недостоверны. Так будет и в «Отцах и детях», что чувствует Базаров на смертном одре: «Я нужен России... Нет, видно не нужен. Да и кто нужен? Сапожник нужен, портной нужен, мясник... мясо продает... мясник... постойте, я путаюсь... Тут есть лес...» (7, 183). Этот «лес» – пространство взаимопереплетенных судеб, где «герой» порой в реальности совершает меньше, чем сапожник, портной, мясник, или врач, учитель, добросовестный помещик, чиновник или ученый, художник:

Берсенева находится в Гейдельберге; его на казенный счет отправили за границу; он посетил Берлин, Париж и не теряет даром времени; из него выйдет дельный профессор. <...> Шубин в Риме; он весь предан своему искусству и считается одним из самых замечательных и многообещающих молодых ваятелей (6, 299).

В «Накануне» эта мысль лишь начинает оформляться у Тургенева и высказывается с сожалением, с сохраняющейся верой в роль «сознательно-героических натур», в «Отцах и детях» она уже более отчетлива, а в поздних романах несомненна – здесь именно дюжинные натуры определяют ход и ритм событий.

¹ См. о роли природного начала в романе: Скокова Л. И. Особенности изображения природы в романе И. Тургенева «Накануне» // Спасский вестник. 2007. № 14. С. 44–49; Гареева Л. Н. Функции пейзажа в романах И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» и «Накануне» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 1. С. 33–39.

Подобное понимание определило особую позицию писателя в отношении нацистроительства. Для Тургенева нация не есть нечто субстанционально утвержденное, ее невозможно определить через какую-либо константную сущность – «кровь», общину, крестьянский социализм, официальную народность, царствующую династию. Национальное целое основано на сплетении и пересечении персональных судеб, каждая из которых что-либо определяет в состоянии общества. И так же, как прихотлива индивидуальная судьба, нация является непрерывным потоком изменений, динамикой волей, мнений, этических и социальных позиций, создающих многочисленные конфигурации. В таких условиях само нацистроительство невозможно свести к утверждению какой-то одной идеологии или цели, призванной соединить все сообщество. Иногда такая цель может возникнуть – в «Накануне» это освоение Болгарии – но она временна, локальна («задача его легче, удобопонятнее: стоит только турок вытурить, велика штука!» – пронизательно говорит Шубин) и не отменяет необходимости медленного и трудного формирования многочисленных объединяющих скреп, которые у Тургенева предстают не как идеологии, а как институты, формы культуры, образования, науки, администрирования, социальных отношений, предпринимательства, ведения хозяйства, бытовых отношений. «Дельный профессор» или «многообещающий ваятель» в таком деле полезнее «сознательно-героических натур».

Понимание текучести национального целого определило и жанровую суть романов Тургенева, которые не претендуют на форму монументального эпоса, а рисуют мгновенные срезы общественных состояний, те конфигурации отношений и судеб, что характеризуют типичные векторы в развитии нации. «Накануне», «Отцы и дети», «Дым», «Новь» – это символические определения духовной ситуации времени.